

На правах рукописи

БОГАТЫРЕВ Александр Валерьевич

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФИГУР
ИНТЕРТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ
ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Москвин Василий Павлович*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Козинец Сергей Борисович*, доктор филологических наук, доцент (ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования», профессор кафедры филологического образования);

Карабань Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», доцент кафедры русского языка).

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Защита диссертации состоится 19 мая 2016 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 7 апреля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Задачи современной лингвистики выводят ее на общеизвестные для ученого мира связи с психологией, логикой, историей, философией и другими науками. Нередко взаимодействие между научными дисциплинами, одной из которых выступает лингвистика, бывает настолько плотным, что на его основе формируются отдельные, самостоятельные отрасли языковедческого знания. Примером может послужить формирование таких дисциплин, как психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика.

Между тем на рубеже XX–XXI вв. необходимость в изучении различных видов речевой коммуникации растет, что обусловлено социальными, политическими, правовыми, экономическими переменами в нашем государстве на протяжении последних 25–30 лет. Перспективным как для юристов, так и для лингвистов становится научное исследование взаимодействия юриспруденции и языкознания. Необходимо отметить, что сегодня на смену традиционной судебной риторике приходит риторика юридическая – явление более широкое: в ведение последней включаются, помимо судебных речей, тексты законов и нормативных актов, различные виды протоколов, жалоб, речь-консультация адвоката, юридические комментарии, интервью с авторитетными юристами и т. д. Интерес к взаимосвязи языка и права обусловлен множеством факторов, о которых упоминают современные ученые (Н.Д. Голев, Г.А. Золотова, Н.Б. Лебедева, М.Н. Малейна, В.Ю. Турагин, А.А. Ушаков, Н.Г. Храмцова и др.). Немаловажной при этом является работа по изучению особенностей функционирования языка в сфере юриспруденции, в частности исследование в рамках юридического дискурса такого явления, как интертекстуальность. Примечательно, что ни в отношении понятия дискурса, ни в отношении понятия интертекстуальности не существует единой точки зрения со стороны научного сообщества.

За последние полвека изучение феномена интертекстуальности получило широкое распространение. Понятие «текст в тексте» было знакомо и классической, и античной литературе, однако термин *интертекстуальность* был введен только в 1967 г. – французской исследовательницей литературы и языка Ю. Кристевой в статье, посвященной осмыслению и развитию идей М.М. Бахтина¹.

Несмотря на значительное число исследований по данной тематике, не остается однозначным даже само понятие «интертекст», которое трактуется, как минимум, в рамках двух научных парадигм: широкой, так называемой радикальной концепции (Ю. Кристева, М.М. Бахтин, Ж. Дерри-

---

¹ См.: Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ «Прогресс», 2000. С. 429.

да, Ж. Женетт и др.) и узкого понимания явления, когда понятие интертекста сводится к сознательному использованию ассоциативных связей между текстом-реципиентом и текстом-донором (И.В. Арнольд, В.Е. Чернявская, У. Эко, М. Пфистер и др.). Если же рассматривать средства интертекстуальности, фигуры интертекста, их взаимоотношения с другими фигурами, то несовпадение взглядов различных исследователей будет еще значительнее; порой наблюдается и отсутствие исследований в том или ином направлении.

Таким образом, **актуальность** избранной темы исследования определяется рядом факторов: востребованностью риторического знания в юридической практике в связи с демократизацией государства и общества; важностью изучения всех составляющих феномена интертекста для конкретизации его понимания в науке о языке, в том числе для определения специфики дискурсивной реализации интертекста в юридической практике; необходимостью углубленного анализа механизмов функционирования фигур интертекста как эффективного средства реализации коммуникативной стратегии адресанта.

Объектом исследования служит интертекстуальность как текстовая категория и как ассоциативная связь текста с другими текстами. В нашей работе мы опираемся преимущественно на узкое понимание интертекстуальности, анализируя феномен интертекста через его конкретные языковые репрезентации, каковыми являются, прежде всего, фигуры речи: различные виды цитирования, аппликации, аллюзии и др. С этой точки зрения определяется и **предмет исследования** – как специфика функционирования фигур интертекста в рамках юридического дискурса.

Фигуры интертекста имеют значимый потенциал для решения коммуникативных задач, стоящих перед оратором, однако в науке о языке до сих пор не исследованы функциональные возможности фигур указанного типа в рамках юридического дискурса; рассмотрение таких возможностей и составляет главную **цель** данной диссертационной работы.

Гипотеза исследования состоит в том, что интертекстуальная составляющая является характерной особенностью юридического дискурса и имеет в его текстах весомую функциональную нагрузку: опираясь на различные виды текстуальных источников, фигуры интертекста направлены на убеждение адресата, участвуя в формировании логики текста и психологической аргументации в тесной взаимосвязи с экспрессивно-стилистическими средствами языка.

Целью работы и предложенной гипотезой определяется решение следующих **задач**:

1) рассмотреть подходы к пониманию интертекстуальности в современной науке о языке, а также уточнить содержание ключевых понятий

интертекстуальной сферы («текст» и «интертекстуальность») в соотношении с особенностями юридического дискурса;

2) определить системообразующие признаки современного юридического дискурса, релевантные для изучения природы функционирования в нем фигур интертекста;

3) построить аргументативную модель коммуникации в юридическом дискурсе, определить место феномена интертекстуальности в предложенной модели;

4) выявить основные фигуры интертекста, используемые ораторами в рамках современного юридического дискурса; произвести функциональный анализ данных фигур в текстах данного дискурса;

5) охарактеризовать микросистему фигур интертекста как средство логической и психологической аргументации.

С точки зрения юрислингвистики, знание права не ограничивается анализом законодательных и правоприменительных документов в аспекте лингвистических категорий (текст, интертекст), дискурса (социальный контекст, социальная эффективность и общественная обусловленность правовых норм); все большее значение приобретает коммуникативная позиция адресанта, интерпретация юридического текста. В этой связи юрист должен обладать высоким уровнем речевой компетенции, а также, по мнению Н.Н. Ивакиной, использовать в конкретной ситуации такие языковые средства, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении коммуникативных задач¹.

В связи с этим, наряду с законодательными текстами, основными **источниками исследования** послужили тексты интертекстуально интенциональных жанров юридического дискурса как тексты, предрасположенные к активному использованию выдержек из других текстов, сохраняющие высокий уровень личностного начала оратора и тем самым представляющие наибольший интерес с точки зрения риторики, языкознания и филологии в целом: судебные речи, ходатайства, жалобы, комментарии к феноменам юридической сферы (законодательным актам, судебным процессам), юридические интервью современных российских юристов высшей категории, чья речевая компетентность не вызывает сомнений: Г. Резника, Г. Падвы, М. Барщевского, П. Астахова, С. Арии, Ю. Костанова и др. Чем выше уровень риторической компетенции юриста, тем эффективнее он решает свои профессиональные задачи, поэтому речи авторитетных судебных ораторов следует считать одним из источников образцового языкового материала. Важным параметром оценки представляется и современность избранных текстовых образцов, способствующая отражению актуальной картины интертекстуальности в юридическом дискурсе.

---

¹ Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. С. 21.

Материал исследования – авторская картотека, включающая более 500 примеров реализации феномена интертекстуальности, извлеченных из текстов названных и охарактеризованных выше источников.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили работы:

– по теории интертекстуальности и дискурса (И.В. Арнольд, Р. Барт, Ж. Женнет, В.И. Карасик, Г.К. Косиков, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, В.П. Москвин, Н. Пьеге-Гро, М. Риффатер, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская и др.);

– по концепции открытого диалогического текста (М.М. Бахтин, Т.Н. Колокольцева, Т.В. Плеханова, Н.Д. Тамарченко и др.);

– по юридической риторике (Л.С. Бурдин, А.Д. Васильев, А.А. Волков, Н.Д. Голев, Н.Н. Ивакина, А.М. Кузнецов, Н.В. Солнцева и др.);

– по исследованию экспрессивно-стилистических средств русского языка (В.И. Аннушкин, Л.В. Балашова, Л.А. Введенская, А.А. Волков, Е.Н. Зарецкая, Н.И. Клушина, С.Б. Козинец, В.П. Москвин, Л.Г. Павлова, О.В. Петров, Ю.М. Скребнев, Г.Г. Хазагеро и др.).

В работе использован *описательный метод*, состоящий в наблюдении и сопоставлении фактов и явлений с целью установления существенных сходств и различий между ними. Из числа частнонаучных методов использовались *семантико-стилистический анализ*, направленный на «разыскание тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов»¹; *интертекстуальный анализ*, позволивший наиболее полно осветить идеологический, семиотический и коммуникативный аспекты рассматриваемых явлений; методы *контекстуального* (наряду с индивидуальными признаками явления, учитывающего характер контекста, с которым оно связано) и *сравнительного* (состоящего в сопоставлении ряда явлений по определенным критериям) *анализа, компонентного анализа* (как процедуры выявления семантических множителей в значении номинативной единицы), *функционального анализа* (предполагающего установление функциональных возможностей и определение значимости номинативно-выразительных средств).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассмотрено значение феномена интертекстуальности в жанровом многообразии текстов юридического дискурса; уточнены критерии разграничения фигур интертекста; выявлены основные функции фигур интертекста в текстах юридического дискурса; уточнены и обоснованы отличительные особенности понятий *интертекст* и *текст* в рамках юридического дискурса; определены основные источники интертекстуальности в юридических текстах; предложена аргументативная модель коммуникации в юридическом дискурсе с учетом значения в нем феномена интертекста.

---

¹ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993. С. 18.

Теоретическая значимость исследования предопределена современным этапом развития искусства судебного красноречия в России, характеризующимся проникновением юридической практики в систему социальных институтов, и заключается в том, что данная работа вносит вклад в развитие общей теории дискурса, общей риторики, а также юрислингвистики, стилистики и культуры речи. Диссертационное исследование опирается на теоретически значимые и актуальные в современной лингвистике аспекты стилистики, риторики, семантики, прагматики и функционирования языковых единиц. Привлекаемый к описанию материал анализируется в русле основных положений коммуникативной лингвистики, стилистики, риторики и семиотики. Исследование вносит определенный вклад в разработку лингвистических методик описания судебного дискурса, выявления и анализа языковых средств, в частности фигур интертекста, функционирующих в юридическом узусе.

Практическая значимость работы заключается в возможности прикладного использования результатов исследования: сведения о выявленных особенностях и закономерностях функционирования фигур интертекста могут быть использованы в рамках лекционных и практических занятий по культуре речи и развитию ораторского мастерства при подготовке специалистов как юридической сферы, так и гуманитариев в целом, в спецкурсах и на спецсеминарах на юридическом факультете в вузе и колледже для повышения уровня профессиональной подготовки будущих юристов, журналистов и филологов. Результаты исследования могут применяться и для преподавания такой дисциплины, как «Русский язык и культура речи», а также для разработки спецкурсов по риторике для юристов. Информация, содержащаяся в исследовании, представляется практически значимой для лингвистов, юристов и психологов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Признаки текста, определяемые современной наукой о языке (письменная форма, завершенность, протяженность, связность, информативность, наличие интертекстуальных связей, согласованность формы / стиля и содержания, наличие прагматической установки и др.), присущи некоему абстрактному, так называемому «идеальному» тексту, но в рамках конкретных дискурсов могут варьироваться в зависимости от различных стилистически релевантных параметров текста. Значимыми для реализации коммуникативной стратегии адресанта особенностями текста в юридическом дискурсе выступают: возможность как письменной, так и устной формы выражения (в связи с чем целесообразно ввести следующие уточняющие понятия, релевантные для данного типа дискурса: а) «письменный текст, воспроизведенный устно», б) «письменный текст, требующий устного воспроизведения», в) «записанный текст»); связность (т.е. обяза-

тельность наличия средств когезии и когерентности); наличие интертекстуальных связей как функционально значимый критерий юридической текстуальности; наличие эристически интенционального (1) и / или регулятивно интенционального речевого замысла (2), что влечет за собой реализацию в тексте системы логических, психологических и манипулятивных инструментов, способных наиболее эффективно разрешить определенный правовой конфликт, а в случае (1) – разрешить данный вид конфликта в пользу адресанта. Факультативными критериями в связи с указанной спецификой речевого замысла в юридическом дискурсе являются информативность, завершенность, а также согласованность формы и содержания.

2. Интертекстуальность в юридическом дискурсе неразрывно связана с логической и психологической аргументацией; фигуры интертекста являются средством формирования и / или усиления аргументов оратора, а также опровержения тезисов оппонента. Таким образом, интертекст в юридическом дискурсе выступает как один из инструментов убеждения и доказательства.

3. Наличие фигур интертекста – характерная особенность юридическо-го дискурса. В рамках аргументативной коммуникативной модели данного дискурса возможно выделение двух видов интертекстуальности: а) собственно юридическая (деловая) интертекстуальность, которая формирует логику юридического текста и предполагает обязательное указание на текстуальный источник; б) выразительная интертекстуальность, отвечающая, главным образом, за формирование психологической аргументации, а также за выразительность и эмоциональность юридического текста и не обязательно предполагающая эксплицитное указание на источник. Текстовая опора логической аргументации – это, прежде всего, своды законов, что и определяет интертекстуальную природу юридического дискурса. Текстовая опора психологической аргументации – это апелляция к опыту, традиции, авторитету, чувству жалости, формируемая, в частности, на основе текстов неюридической принадлежности (таких как Библия, произведения художественной литературы, кинофильмы и т.д.), что является ещё одним (но уже не главным) источником интертекстуальности в юридическом дискурсе. Использование психологической аргументации с привлечением фигур интертекста имеет менее значимый эффект с точки зрения убедительной силы, чем логическая аргументация.

4. В рамках юридического дискурса содержание понятия «интертекст» обладает определённым набором особенностей, каковыми являются: наличие ссылки на текстуальный источник (что релевантно для деловой интертекстуальности), наличие эристических и регулятивных функций интертекста (что предполагает необходимость применения функционального анализа); прецедентная компетентность адресата, в случае от-

сутствия которой интертекст теряет часть своей перлокутивной силы; возможность формирования интертекстуальности на основе взаимодействия не только двух и более текстов (вертикальный интертекст), но и фрагментов одного и того же текста (горизонтальный интертекст); заимствование из текста-донора не только фрагмента текста (формы выражения), но и его смысла (содержания). В оппозицию к последнему типу можно поставить интертекстуальные отношения, при которых передается только стиль текста-донора, что служит основой формирования таких явлений, как стилизация и, в частности, пародия; последние не находят отражения в современных юридических текстах.

5. Фигуры интертекста вступают в структурно-функциональную связь с экспрессивно-стилистическими средствами языка (такими, как тропы и фигуры речи), что в рамках юридического дискурса позволяет говорить о конвергенции интертекстуальных единиц и экспрессивно-стилистических средств языка. Данное явление существенно усиливает перлокутивный эффект выразительной интертекстуальности, направленной на усиление аргументативной стратегии оратора, а значит, и на более эффективное достижение поставленной коммуникативной цели.

6. Фигуры интертекста в рамках юридического дискурса не являются монофункциональными; они не только способны выполнять различные коммуникативные функции, но могут также служить реализации ряда коммуникативных функций одновременно; соответственно, можно говорить об уникальном феномене контекстуальной полифункциональности фигур.

7. По аналогии с фигурально и, в частности, интертекстуально интенциональными жанрами (такими, как центон и хрия) можно констатировать существование фигурально, в частности, интертекстуально интенциональных дискурсов, каковым, по нашим наблюдениям, является юридический дискурс.

Оценка достоверности результатов исследования позволяет говорить о том, что в нём применены адекватные методы и приемы исследования, объем анализируемого материала достаточно репрезентативен, т.к. включает в себя более 500 примеров реализации феномена интертекстуальности, извлечённых из более 70 источников; полученные результаты исследования опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей в Архангельске, Волгограде, Москве и Санкт-Петербурге.

Апробация и внедрение результатов исследования. Содержание исследования отражено в 13 публикациях, три из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России. Основные положения, результаты и выводы диссертации докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, на аспирантском семинаре Вол-

гоградского государственного социально-педагогического университета (2008–2015 гг.), на различных научных конференциях, в том числе на Международной конференции «Ломоносов» (Москва, МГУ, апр. 2008 г.); Международной научной конференции «IX Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, Институт русского языка им. А.С. Пушкина, май 2008 г.); XIII региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, нояб. 2008 г.); Международной научной конференции «Гуманитарные науки в России XXI века: тенденции и перспективы» (Архангельск, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, нояб. 2008 г.); Международной научной конференции «X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, май 2009 г.); международных научно-практических конференциях «Межкультурная деловая коммуникация: проблемы и перспективы российско-молдавского сотрудничества в формировании коммуникативной компетенции кадров агробизнеса» (Волгоград, окт. 2009 г.), «Язык и общество: проблемы, поиски, решения» (Санкт-Петербург, апр. 2010 г.), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире» (Волгоград, декабрь 2010 г.); XIII региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2015 г.); на V Международной научно-практической интернет-конференции «Текст, интертекст, гипертекст: актуальные проблемы» (Волгоград, 2015 г.) и др.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, списка словарей, а также списка иллюстративного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования, его актуальность, определяются объект и предмет исследования, ставятся цель и задачи, отмечается научная новизна, указываются основные положения, выносимые на защиту; даются оценка теоретической и практической значимости исследования и информация о результатах его апробации, а также описание его структуры.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения интертекстуальности в юридическом дискурсе» состоит из трех параграфов. В *первом параграфе «Критерии текстуальности: аналитический обзор применительно к юридическому дискурсу»* сквозь призму критериев текстуальности выявляются особенности понятия «текст» в юридическом дискурсе. Особенности текста в юридическом дискурсе выступают:

1. *Возможность как письменной, так и устной формы выражения.* В рамках дискурсивного анализа юридических текстов представляется методологически оправданным обращаться к следующим уточняющим понятиям:

а) «письменный текст, воспроизведенный устно», б) «письменный текст, требующий устного воспроизведения», в) «записанный текст». Примерами могут служить судебная речь (зачастую это устное воспроизведение записанного текста), решение суда (письменный текст, в силу регламента требующий устного воспроизведения в зале суда) или протокол допроса, который есть не что иное, как запротоколированный (записанный) устный текст. Таким образом, в юридическом дискурсе фигуры интертекста получают возможность реализации не только в письменной, но и в устной форме: дословно воспроизводимой (цитата, аппликация) или связанной с относительно свободным воспроизведением текста-источника (аллюзия, парафраз, интертекст-пересказ). Фигуры интертекста в юридическом дискурсе могут опираться не только на письменные тексты-доноры, но и на воспроизведенные устно текстуальные источники. Это создаёт основу для активизации следующих трёх фигур интертекста: а) приёма, в греческой риторике известного как *анамнесис* – воспроизведения части текста по памяти (ср. греч. *ἀνάμνησις* ‘припоминание’), что, как известно, служит укреплению коммуникативной позиции адресанта; б) *пласиса* (греч. *πλάσις* ‘сплав’) – цитирования, сопровождаемого имитацией особенностей речи, а также изображением действий и нрава цитируемого лица; в) *серmocинати* (лат. *sermocinatio* ‘разговор’) – имитации чьей-либо речи от первого лица, нередко принимающей вид цитирования. Характеризуя фигуры данной таксономической микросистемы, М.Ф. Квинтилиан указывает на то, что *пласис* в речи адвоката «изображёнными в ней страданиями клиента тронет сердце судьи, ибо не адвокат описанием чужого горя, но лишь сама жертва способна его разжалобить»¹.

2. *Обязательность наличия средств когезии и когерентности.* По нашим наблюдениям, текстуальный критерий связности для юридического дискурса обязателен, однако взаимодействие данного критерия с функционально значимым для юридического дискурса феноменом интертекста нельзя назвать постоянным. Вместе с тем фигуры интертекста могут обеспечивать связность текста в следующих трёх случаях: а) при конвергенции фигур интертекста с другими экспрессивно-стилистическими средствами языка (метафоры, эпитеты, фигуры контраста и др.), что относится к стилистическому аспекту когерентности, который подразумевает выбор экспрессивно-стилистических средств языка в том или ином контексте в соответствии с правилом тематической уместности: нередко именно выбор средств убеждения определяет всю структуру и характер связности юридического текста; б) при использовании тактики *аналепсиса*, т.е. интертекстуального взаимодействия фрагментов одного и того же тек-

¹ М. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 254.

ста в результате обращения адресанта к описанным ранее фактам, событиям и явлениям; в) при опоре адресанта на компаративную демонстрацию, т.е. демонстрацию по аналогии, которая обеспечивает связь между аргументами и тезисом; при этом подразумевается, что роль аргумента может выполнить фигура интертекста, апеллирующая к тексту законодательства: *Исправляя ошибку в квалификации по аналогичному с настоящим делу Бутырева, Верховный Суд указал, что подобные действия надлежит квалифицировать не по статье 102, а по части 2 статьи 193 УК РСФСР (см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1975. № 4. С. 7) (С.Л. Ария).*

3. *Обязательное наличие эристически и / или регулятивно интенционального речевого замысла*, что влечет за собой реализацию в тексте системы логических, психологических и манипулятивных инструментов, способных наиболее эффективно разрешить определенный правовой конфликт, а в первом случае – разрешить данный вид конфликта в пользу адресанта.

4. *Факультативность ряда критериев, в частности:*

А. Критерия информативности, который подразумевает наличие новой для адресата информации в тексте. «Неновая» информация в юридической практике употребляется:

– в силу регламента; приговор суда кассационной инстанции может дублировать решение нижестоящей инстанции, а значит, информация формально не является новой для адресатов-участников процесса;

– в целях формирования аргументации; так, жалоба адвоката может практически полностью состоять из цитат, извлеченных из иных юридических текстов (нормативно-правовых актов, судебных документов по делу), которые служат доводами адресанта и известны адресату, но это не лишает ее статуса самостоятельного текста (в этом плане такой текст можно уподобить центону).

Б. Критерия завершенности. В этом случае наблюдаются, в частности:

1) использование эпитропа – тактики доказательства с отсутствующим тезисом (выводом) при наличии в тексте фактов и аргументов, поддерживающих имплицитированный тезис; цель данной тактики – привлечь внимание аудитории, подвести её к самостоятельному выводу;

2) наличие в заключительном фрагменте текста информации, которая подразумевает развитие проблематики текста в будущем и / или незавершенность определенного правового конфликта.

В. Критерия согласованности формы и содержания. Так, адвокат П. Астахов в рамках процесса по делу бывшего сотрудника военно-технической разведки ВМС США Эдмонда Поупа свою защитительную судебную речь произнес в стихотворной форме. Сам адвокат на-

звал такой ход «криком души», полагая, что именно в стихотворной форме сможет затронуть чувства судей.

5. Наличие интертекстуальных связей как ключевая тенденция текстов юридического дискурса. Данная особенность юридического текста представлена в рамках нашего исследования наибольший интерес.

Во *втором параграфе «Особенности интертекста в юридическом дискурсе»* определяются свойства интертекста, релевантные для изучения феномена интертекстуальности в юридическом дискурсе.

1. Наличие ссылки на текстуальный источник (что релевантно для деловой интертекстуальности), без которого нельзя соотнести текст-реципиент с текстом-донором, а значит, невозможно объективное и обоснованное ведение дела.

2. Наличие у фигур интертекста определенной функциональной нагрузки, что говорит о сознательном и целенаправленном использовании феномена интертекста адресантом в рамках юридического дискурса.

3. Учёт прецедентной компетентности адресата: в противном случае возникает опасность того, что адресат не сможет декодировать интертекстуально насыщенную информацию, в результате чего коммуникативный эффект от использования фигур интертекста будет нулевым. Данный параметр не относится: а) к цитированию, которое предполагает ссылку на текст-источник, а значит, к большей части случаев деловой интертекстуальности; б) к текстовым приложениям, парафразам и аллюзиям, которые опираются на общий ситуативно-групповой прецедентный фонд ряда лиц, участвующих в определенном правовом процессе. Основу прецедентного фонда в этом случае составляют текстовые материалы указанного правового процесса.

4. Соотношение двух и более текстов. Данный критерий интертекстуальности в рамках юридического дискурса становится факультативным. Основная причина – возможность формирования интертекстуальных связей в юридическом дискурсе не только между двумя разными текстами, но и между фрагментами одного текста.

В *третьем параграфе «Современный юридический дискурс: системообразующие признаки»* рассматривается спорный вопрос взаимодействия дискурсов, а также статуса текстов, которые можно соотнести с несколькими типами дискурсов. Данный вопрос для текстов юридической сферы, на наш взгляд, должен рассматриваться с позиции двух измерений:

1) Юридический дискурс как вертикальная система, включающая в себя более частные системы (дискурсы). Известно, что юриспруденцию составляют несколько направлений. Каждому из них можно найти соответствие в языковой среде. С позиции рассмотренной в нашем исследовании таксономической вертикали мы можем считать юридический дис-

курс более широкой системой, включающей в себя дискурс права, законодательный и судебный дискурсы, в полном соответствии с тем фактом, что юриспруденция включает в себя законотворческое, правоведческое и судебно-процессуальное направления. Следовательно, судебная речь будет относиться к судебному дискурсу, текст закона – входить в рамки законодательного дискурса, правовые документы определенного процессуального дела – к правовому дискурсу, но, вместе с тем, все эти тексты относятся одновременно и к дискурсу юридическому как таксономически более обширной системе по сравнению с более частной.

2) Юридический дискурс рассматривается в контексте горизонтальной системы дискурсов в тех случаях, когда юридическое знание в текстуальной форме выражения выходит за рамки не только зала суда, но и юридической сферы в целом, взаимодействуя с дискурсами средств массовой информации, публицистики, социальных сетей и проч.

Адекватный функциональный анализ фигур интертекста невозможно провести без учета системообразующих характеристик дискурса, в которых они «погружены». Первая из характеристик – общая тематика – выражается в широких категориях «закон» и «право», которые ведут за собой круг частных тем: уголовное право, гражданское право, объективность, деяние, суд, наказание, истина, справедливость и т.д. Ценностные признаки юридического дискурса ориентированы на беспрекословное подчинение существующим законам, чем объясняется аргументативная сила использования фигур интертекста, прежде всего цитат, опирающихся на тексты законов.

Юридический дискурс характеризуется наличием определённой цели, которая представляет собой разрешение определенного правового конфликта. В широком смысле, выполняя ту или иную частную задачу, юридический текст направлен на разрешение определенного правового конфликта. Эмпирически результат этого разрешения может выражаться в изменении действительности, которое также объективируется в тексте: в приговоре суда, в принятии судом ходатайства или удовлетворении жалобы, в устранении правовых пробелов на разных уровнях законодательства и т.д.

В этом же параграфе предложена аргументативная модель коммуникации в юридическом дискурсе, которая может быть задана следующей схемой:

«Оппонент 1 → Коммуникативный материал → Фильтрация → Аргументация → Опора аргументации → Оппонент 2».

На этапе построения текста юрист изначально знакомится с коммуникативным материалом, который представляет собой имеющиеся в наличии адресанта факты, свидетельства, правовые нормы и традиции. Фильтрация

представляет собой процесс вычленения из текста коммуникативного материала, который может отрицательным образом повлиять на достижение коммуникативной цели, и / или трансформацию коммуникативного материала в субъективную, более выгодную для адресанта языковую форму.

Специфика юридического дискурса связана с тем, что это дискурс аргументативный, зачастую – остро аргументативный, т. е. эристический. В случаях и логической, и психологической аргументации в юридическом дискурсе опору аргументации способны обеспечивать фигуры интертекста. Опора логической аргументации (регулярная опора) для данного типа дискурса – это, прежде всего, своды законов, что и определяет интертекстуальную природу юридического дискурса; опора психологической аргументации (иррегулярная опора) – это апелляция к опыту, традиции, авторитету, которая формируется, в частности, на основании текстов неюридической принадлежности – таких как Библия, художественная речь, кинофильмы и т.д. – и является ещё одним (но уже не главным) источником интертекстуальности в юридическом дискурсе.

Интертекстуальная насыщенность становится, таким образом, еще одной существенной характеристикой юридического дискурса. В соответствии с представленной аргументативной моделью коммуникации мы предлагаем различать два вида интертекстуальности в юридическом дискурсе:

1) собственно юридическую, или деловую, интертекстуальность, которая формирует логику юридического текста и опирается на юридические тексты-источники;

2) выразительную интертекстуальность, отвечающую, главным образом, за формирование психологической аргументации, а также за выразительность и эмоциональность юридического текста, формируемые на основе текстов неюридической принадлежности (таких как Библия, произведения художественной литературы, кинофильмы и т.д.).

Степень насыщенности юридического текста интертекстуальными элементами определяется такой важной характеристикой юридического дискурса, как сосуществование в нем институционального и персонального начал. Назвать юридический дискурс строго институциональным очень трудно в силу того, что часть его текстов не может формироваться без выражения личностного начала автора, т.е. с опорой только на коммуникативные и этические каноны института юриспруденции. В этом отношении тексты юридического дискурса могут быть условно подразделены на следующие категории:

1) Строго соблюдающие коммуникативные каноны института юриспруденции (закон, указ, постановление и др.).

2) Относительно персонализированные – тексты, объединённые рамками конкретного судебного дела, которые сохраняют форму, продикто-

ванную институционально, однако допускают элементы персонализации (жалоба, ходатайство, допрос и др.).

3) Персонализированные – тексты, относящиеся в основном к интертекстуально интенциональным жанрам юридического дискурса (судебная речь, юридический комментарий, юридическое интервью и др.) и сохраняющие высокий уровень личностного начала участников коммуникативного процесса. Именно этот разряд текстов представляет наибольший интерес для лингвистического изучения феномена выразительной интертекстуальности.

Вторая глава «Функциональные возможности интертекста в юридическом дискурсе» посвящена выявлению основных функций фигур интертекста в юридическом дискурсе. Выделение фигур интертекста, на наш взгляд, наиболее логично может происходить на основании следующих критериев, формирующих алгоритм интертекстуального анализа.

1. *Текстовая природа источника интертекстуальности* – основной критерий, которому соответствуют все выделяемые нами фигуры интертекста.

2. *Степень точности воспроизведения текстового источника:*

а) дословная передача (что характерно для цитаты и аппликации);

б) тенденция к грамматической модификации, изменению ритмической организации и порядка слов фрагмента-донора (аллюзия);

в) лексическая модификация с тенденцией к сохранению ритмико-синтаксической организации (парафраз);

г) модификация лексической и синтаксической организации, тенденция к передаче плана содержания, а не плана выражения (тактика, которую можно условно назвать интертекстом-пересказом).

3. *Наличие указания на текст-источник:*

а) обязательное наличие отсылки (при цитате);

б) факультативность отсылки (при интертексте-пересказе, при аллюзии) либо обозначение текста-источника без строгой его конкретизации (аллюзия, цитата): *как сказал один из моих оппонентов...; в одном из произведений А.П. Чехова есть такая цитата... и т.п.;*

в) отсутствие отсылки (при аппликации, парафразе).

4. *Появление вторичного смысла в тексте-реципиенте.* Данный критерий варьируется применительно к различным фигурам интертекста:

а) при цитировании: появляется новый смысл в тексте-реципиенте, полностью дублирующий фрагмент плана содержания текста-донора;

б) при аппликации: появляется новый смысл в тексте-реципиенте, дублирующий фрагмент плана содержания текста-донора и (или) выходящий за рамки этого фрагмента к плану содержания всего текста-донора и требующий, в отличие от цитаты, прецедентной компетентности адресата;

в) при аллюзии: взаимодействуют два смысла: 1) смысл, дублирующий план содержания фрагмента текста-донора и (или) всего текста-донора;

2) контекстуальный смысл, который создается на базе плана выражения фрагмента текста-донора, помещенного в план выражения текста-реципиента;

г) при парафразе: происходит реализация ассоциативной связи с фрагментом плана содержания текста-реципиента;

д) при интертексте-пересказе: появляется новый смысл текста-реципиента, дублирующий план содержания текста-донора или его фрагмента.

5. Расположение словесного репрезентанта фигуры:

а) при имитативном типе расположения (этот тип можно рассматривать как разновидность мимесиса) интертекстуальные элементы следуют в порядке, копирующем порядок элементов в тексте-доноре (цитата, аппликация, парафраз; в некоторых случаях – аллюзия);

б) при трансформативном типе расположения интертекстуальные элементы инвертированы, «разбиваются» контекстуальными, т.е. «разбросаны» по фрагменту текста-реципиента (интертекст-пересказ, большинство случаев аллюзии).

В первом параграфе *«Феномен интертекстуальности в системе экспрессивно-стилистических средств языка»* анализируются проблема места фигур интертекста в системе экспрессивно-стилистических средств языка, а также возможность воздействия фигур интертекста на различные качества речи. Так, цитата в большинстве случаев служит точности, убедительности и логичности речи, фигура интертекста-пересказа – краткости речи, аппликация и аллюзия – уместности и богатству речи и т.д. Данный факт имеет значение при определении функциональных возможностей фигур интертекста во взаимодействии с иными экспрессивно-стилистическими средствами языка.

Следующие четыре параграфа *«Цитата как основа логической аргументации в юридическом дискурсе»*, *«Аппликация: опыт функционального анализа фигуры»*, *«Аллюзия: игра интертекстуальных и контекстуальных смыслов»* и *«Парафраз и интертекст-пересказ: варианты формальных и смысловых заимствований»* посвящены выявлению функций фигур интертекста с опорой на определенные в первой главе исследования особенности юридического дискурса, текста, интертекста. В результате исследования выявлены 18 функций фигур интертекста в юридическом дискурсе, 5 из которых можно рассматривать как самостоятельные подвиды аргументативной функции. Обобщающая картина функций интертекста в юридическом дискурсе выглядит следующим образом.

• Выполнение *информативной функции* в той или иной степени свойственно всем фигурам интертекста и заключается в передаче значимой для адресата информации. В чистом виде, без синтеза с другими функциями, реализация информативной функции фигур интертекста не наблюдается.

- *Референционная функция* (англ. *reference* 'сноска, ссылка') интертекста заключается в отсылке адресата к содержанию текста-донора: *Я однажды написал рассказик в духе чеховского «Ваньки Жукова», отдал моему другу Володе Гельману, он прочитал и говорит: «Ну что тебе сказать? Чехов писал лучше»* (Г. Падва).

- *Функция усиления собственной коммуникативной позиции и, в частности, собственного авторитета* выражается в двух случаях. Первый представляет собой употребление фигуры анамнесиса, т.е. цитирование ситуативно значимого текста-донора по памяти (при цитировании по памяти адресант подчеркивает свою риторическую и профессиональную компетентность). Второй вариант реализации функции повышения собственного авторитета – прием автоцитирования. Выражение адресантом собственной мысли в форме цитирования придает больший вес слову, выглядит более объективно и убедительно, чем простое авторское высказывание: *Это как раз подтверждение моих слов: общественная активность дала толчок к решению проблемы сиротства, в том числе и бизнесу* (П. Астахов).

- *Номинативную функцию* интертекста выполняют аллюзии. В первую очередь, речь идет об ономастической аллюзии (или текстовой антономасии), которая заимствует имена собственные, в частности, из художественных текстов-доноров и текстов Священного Писания. Что касается взаимодействия с тропами, то ономастическая аллюзия нередко бывает метафорична: *Вот эти выпускники вузов, знаешь, я не верю, извини, я – Фома Неверующий* (Г. Резник).

- *Пояснительная функция* заключается в разъяснении, истолковании адресантом своей позиции посредством фигур интертекста. Чаще всего функцию пояснения выполняют цитаты из правового источника, которые сопровождают ход рассуждений оратора.

- *Структурирующая и компрессивная функции* фигур интертекста проявляются в сокращении объема текста-реципиента и выстраивании текста за счет использования информативно емких тактик: текстовой аллюзии, фигуры интертекста-пересказа или парафраза. Все эти фигуры интертекста позволяют исключать избыточную или необязательную информацию, создающую «помехи» для восприятия, благодаря чему текст в конечном итоге принимает оптимальную форму для восприятия адресатом. Показательным примером данного процесса может служить использование аллюзий, которые функционируют в соответствии с законом речевой экономии: *закон Димы Яковлева (Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»), акт Магнитского (Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012)*.

- *Функция звуковой выразительности интертекста* понимается нами как передача особенностей звучания текста-донора, в частности, в случа-

ях, когда адресант прибегает к тактике так называемого иноязычного цитирования. Зачастую данная функция неотделима от обозначенной выше функции усиления собственной коммуникативной позиции.

• *Декоративная функция* представлена всеми фигурами интертекста, за исключением интертекст-пересказа, и представляет собой использование возможностей интертекстуального феномена для создания языковой игры, уход от нейтральной формы выражения текста, что обеспечивает ее красоту и делает текст более интересным для аудитории. Необходимо отметить, что чем интереснее объект для наблюдателя, тем дольше он сможет концентрировать на нем свое внимание. Поэтому не являющаяся стандартной, интересная, красивая подача информации неразрывно связана со следующей функцией фигур интертекста.

• *Функция поддержания внимания аудитории.* Кроме выразительной силы, которая обеспечивается в тексте риторическим использованием фигур интертекста, внимание аудитории может удерживаться привлечением адресата к процессу размышления над идеей текста. Такое вовлечение реализуется через недоговоренность, не до конца раскрытое содержание текста, что достигается в результате применения фигур интертекста: *Они одолжили у друзей восемь миллионов рублей и внесли их во «Властелину» под обещания получить через два месяца ровно вдвое больше. Но бесплатный сыр бывает известно где* (Ю. Костанов). В контексте данного примера отметим, что основой интертекстуальной связи могут выступать афоризмы, сентенции, пословицы, крылатые выражения, которые, по мнению некоторых ученых, считаются «минимальными законченными текстами»¹.

• *Акцентирующая функция интертекста* реализуется через обращение к горизонтальному источнику интертекста, что позволяет оратору делать акцент на ключевом для данного фрагмента текста тезисе, лишняя раз подчеркнуть важный для своей речи момент. Очевидно, что в таких случаях затруднительно разграничить риторические повторы (анафора, эпифора, кольцо и др.) и фигуры интертекста (цитаты, аппликации) относительно друг друга, т.к. в данном случае феномен интертекстуальности лежит в основе построения более или менее дистантного риторического повтора.

• *Оценочная функция* фигур интертекста может получать реализацию:

1) В случаях, когда выдержка из текста-источника выступает объектом оценки: *В обвинительном заключении сухим канцелярским слогом написано: «Преступление совершено из корыстных побуждений»* (С. Ария).

2) В случае, когда фрагмент текста-источника становится средством оценки. Если оценка имплицитна, т.е. раскрывается только через обращение к содержанию текста-источника, то мы имеем основания говорить о конвергенции референционной, оценочной и *эвфемистической функций*

---

¹ Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 365.

фигур интертекста: *Он бы и без всякой сделки получил бы меру наказания не выше той, которую ему дали. Есть закон, а есть правоприменение. Законы святы, но исполнители – лихие супостаты* (Г. Резник). В данном примере аппликация реализует оценочную функцию через содержание комедии В.В. Капниста «Ябеда». Фраза про «исполнителей» цитируется как «иронический комментарий несовершенства самих законов <...> и тех, кто обязан их исполнять или следить за их исполнением»¹.

• *Аргументативная функция* – ключевая для фигур интертекста в аспекте аргументативной модели коммуникации в юридическом дискурсе. В зависимости от механизма построения аргумента и результата, который это построение предполагает, мы можем подразделить аргументативную функцию фигур интертекста на два типа частных функций: построение психологических аргументов и формирование логической аргументации.

• *Функция построения психологической аргументации* за счет фигур интертекста находится в более слабой позиции с точки зрения убедительной силы, чем построение логических аргументов. Это продиктовано тем, что юридический дискурс предполагает, в первую очередь, принятие решений и формирование выводов на основании логических суждений, которые опираются на ценностные признаки юридического дискурса – беспрекословное подчинение существующим законам как фактор формирования правомерного поведения человека. В результате нашего исследования мы выделяем несколько психологических аргументов, которые занимают прочные позиции в арсенале средств убеждения оратором-юристом: аргумент к традиции, аргумент к авторитету, аргумент к жалости и аргумент к вере.

В рамках юридического дискурса важное значение имеет аргумент к авторитету, опирающийся на фигуры интертекста. Типичны ситуации, когда цитата, апеллирующая к текстам законодательства, неотделима от аргумента к авторитету. Несомненна роль такого авторитета и, соответственно, апелляции к нему едва ли не во всех текстах юридической сферы, особенно с позиции обвинения. Авторитетом в данном случае является закон, т.е. абстрактное понятие, которое при помощи олицетворения воспринимается аудиторией как нечто одушевленное (*закон требует, закон диктует, мы беспрекословно подчиняемся закону*). Именно это «одушевление» усиливает психологическое воздействие аргумента, который сам по себе не лишен логического основания. Однако опора исключительно на логику не будет обладать таким же коммуникативным эффектом, как цитатная аргументация к авторитету (ср.: *В статье УК РФ указана мера пресечения в виде ареста и Закон требует меры пресечения в виде ареста*).

¹ Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. С. 266.

Аргумент к авторитету и аргумент к традиции могут строиться за счет фигур интертекста (в частности цитат, текстовых аппликаций, текстовых аллюзий), опирающихся на тексты Священного Писания, художественные тексты или неюридические тексты известных деятелей, лидеров общественного мнения. Художественные образы, поступки героев, высказывания лидеров общественного мнения и литературные сюжеты воспринимаются аудиторией как опыт поколений и отражение традиционного общественного уклада.

Аргумент к вере в рассмотренных нами текстах юридического дискурса используется как средство интерпретации текста-донора, порой достаточно широкой, в соответствии с той коммуникативной линией поведения, которая выгодна оратору. Психологический аргумент строится по следующему принципу: «текст-донор» → связки, подготавливающие аудиторию к интерпретации (например: *наводит на мысль / приводит к мнению* и т.п.), → собственная интерпретация: *Понимаете, что значит предложение «ограничить голоса правящей партии»? Это означает: «Вы там, население, выбирайте, как хотите, но мы примем закон, по которому ваш выбор – это для нас информация»* (М. Барщевский).

Аргумент к жалости – типичный аргумент для линии защиты, который можно выявить, в частности, в большинстве судебных защитительных речей. В структуре психологического аргумента к жалости мы наблюдаем использование различных дескрипций, что предполагает нагнетание эпитетов, метафор, риторических вопросительных конструкций, фигур контраста. Вместе с тем мы не можем говорить о какой-либо особенной или значимой роли фигур интертекста в построении аргументов к жалости в рамках юридического дискурса. В частности, во взаимодействии с этим психологическим аргументом мы наблюдаем только сочетания цитат или аппликаций, опирающихся на обвинительные заключения или официальные характеристики подсудимых, ср.: *Доведение до самоубийства! Вдумайтесь в страшный смысл этого тяжкого обвинения, товарищи судьи! Что должно было скрываться за этой краткой, но достаточно выразительной юридической формулировкой? Какие отношения? Какие люди? Горькая картина должна была бы развернуться перед вами, не картина смерти, так красноречиво здесь обрисованная обвинителем, а изображение предшествующих этой смерти страданий, унижений, боли, безысходности* (Г. Падва).

Говоря о психологической аргументации, мы не упоминаем такие виды психологических аргументов, как *аргументы к силе, к кошельку, к тщеславию* и др., использование которых не свойственно юридическому дискурсу. В одной плоскости с ними лежит и *аргумент к незнанию*, вопрос о правомерности функционирования которого в текстах юридического дискурса остается спорным. В процессе анализа последнего мы неоднократно

но встречали текстовые фрагменты, которые по форме выражения можно отнести к цитатам. Но истинность цитат, о которых идет речь, ставится под сомнение, если оратор скрывает источник цитирования (например: *не буду называть источник, чтобы не «подставлять» человека*) или снимает с себя долю ответственности за достоверность цитаты (например: *если я не ошибаюсь, если не изменяет память* и проч.). Тем самым соотнести цитату с текстом-источником становится невозможно, а значит, нельзя проверить истинность высказывания. Адресату целесообразно внимательно относиться к подобным коммуникативным проявлениям, т.к. не исключено, что перед нами не проявление этикета или забывчивость оратора, а психологический *аргумент к незнанию*.

Наиболее простой инструмент построения логической аргументации за счет фигур интертекста в юридическом тексте – *приведение логического довода*. В рамках юридического дискурса информация, заимствованная из законов и нормативно-правовых актов, воспринимается как аксиома. Поэтому цитата, опирающаяся на данный свод текстов, становится эффективным средством убеждения. Напомним, что довод, опирающийся на цитирование законодательства, в синтезе с олицетворением (закона) можно рассматривать и как цитатную аргументацию к авторитету. Примечательно, что аппликации, передающие выдержки законодательства, не характерны для текстов юридического дискурса.

Опираясь на материалы судебного дела, цитаты могут взаимодействовать в комбинациях с другими цитатами. Сопоставление цитат из нескольких источников может выполнять *функцию опровергающего цитирования*, когда цитата оппонента опровергается цитатами из других источников: цитата № 1 оппонента ≠ цитата № 2 оппонента; цитата оппонента ≠ цитирование закона; цитата оппонента ≠ цитирование материалов судебного дела и проч.: *...часть первая статьи 49 Конституции РФ гласит, что вина гражданина в совершении преступления может быть установлена лишь приговором суда <...>. Аналогичное положение содержит пункт 28 части 1 статьи 5 УПК, согласно которому решение о виновности подсудимого и назначение ему наказания (либо освобождение от такового) принимается только в приговоре. Несмотря на эти требования закона, суд <...> вынес определение, в котором вопреки указанному закону признал Ходорковского виновным в совершении преступления* (Г. Падва).

Посредством цитирования слов коммуникативного оппонента оратор может построить заведомо неверный тезис, который затем «разбивается» о следующие после этого доводы и /или критикуется адресантом: *Пожалуйста, получите позитив: «Все действия подсудимых и неустановленных соучастников явным и недвусмысленным образом выражали религиозную ненависть и вражду, что выразилось в поведении, проти-*

воречащем общественным нормам поведения в православном храме. Действия подсудимых глубоко оскорбили и унизили чувства и религиозные ориентиры потерпевших». Суд творит откровенный произвол, попирает принцип правовой определенности. Получается, одни и те же действия можно квалифицировать и по Административному и по Уголовному кодексам. Безосновательно. <...> И все же: как-то очень неконкретно о ненависти и вражде. У кого, к кому? Ответ дает следующий пассаж из приговора: «Суд приходит к убеждению, что действия Толоконниковой Н.А., Самуцевич Е.С., АLEXИНОЙ М.В. и неустановленных лиц унижают и оскорбляют чувства значительной группы граждан в данном случае по признаку отношения к религии». Перечитал несколько раз, подергал себя за ухо. Вон оно как! Сразу не догадался. <...> Когда слушал трансляцию в Интернете, не поверил своим ушам. Когда читал, отказывался верить своим глазам <...>. Сказать, что суд грубо нарушил закон — значит, ничего не сказать (Г. Резник).

Данная выдержка основана на нагнетании комбинаций цитат и ряда экспрессивно-стилистических средств: антифразиса (*получите позитив*); эмоционально окрашенной лексики (*произвол, пассаж*); риторических вопросительных конструкций (*У кого? К кому?*); металеписа, гиперболы (*подергал себя за ухо; значит, ничего не сказать*); гипозевксиса (лексико-синтаксического параллелизма) (*Когда слушал трансляцию в Интернете, не поверил своим ушам. Когда читал, отказывался верить своим глазам*); риторических восклицаний (*Вон оно как!*) и т. д. Если исключить из текста экспрессивно-стилистические средства, то в анализируемом фрагменте останутся только две цитаты из судебного решения, поэтому мы можем говорить о синтезе, или конвергенции, фигур интертекста (цитат) и названных выше экспрессивно-стилистических средств языка, без которого фрагмент текста лишился бы убеждающей силы.

Материалы судебного дела, в том числе и решение суда, в рамках юридического дискурса не являются аксиомой, именно поэтому цитата и фигура интертекста-пересказа, опирающиеся на данный свод текстов, нередко сопровождаются авторской оценкой. Для выражения авторской оценки характерно использование развернутых метафор, фигур контраста, нагнетания эпитетов.

Одной из наиболее действенных аргументативно релевантных функций фигур интертекста является *создание иронического эффекта*. Основные инструменты в этом случае – текстовые аппликации и текстовые аллюзии. Данная функция представлена двумя тактиками:

1) Иронический эффект строится на основе текста-источника, автором которого выступает коммуникативный оппонент: *В номере одиннадцатом журнала «Наш современник» за 1990 г. опубликована критическая статья заместителя главного редактора Александра Казинцева*

«Я борюсь с пустотой». <...> Автор начинает свою борьбу с приведения довольно обширной выдержки из книги Германа Брановера «Возвращение» (Г. Резник).

2) Интертекст опирается на текст-источник, авторство которого не принадлежит коммуникативному оппоненту. Ирония в этом случае призвана расположить к себе аудиторию, заставить её согласиться с позицией оратора, которая обрамляется иронической подачей текста: *При таком подходе к делу достаточно и постового милиционера: задержал, отвел в суд – вот и все «следствие». Все в этом деле сегодня держится на «двух китах» (даже «китов» у них нехватка): на напештываниях милиции <...> и на стремлении прокуроров и следователей как-нибудь оправдать необоснованный арест и длительное содержание Малышкина под стражей* (Ю. Костанов).

В **заклучении** диссертации подводятся итоги исследования. На основе проведенного нами исследования можно сделать вывод о том, что использование фигур интертекста (вне зависимости от их функций) в рамках **аргументативной модели** коммуникации в юридическом дискурсе направлено на то, чтобы *повлиять на убеждения адресата*, заставить его принять точку зрения адресанта, а значит, действовать в соответствии с его интересами. Между тем не все функции фигур интертекста в одинаковой степени способствуют убедительности юридического текста. Здесь может быть выстроена следующая градуальная схема. Так, информативная функция фигур интертекста, «работая» на передачу новой информации, в меньшей степени направлена на убеждение адресата, чем акцентирующая функция, которая не просто передает информацию, но ставит акцент на ее ключевой, по мнению адресанта, части, улучшая восприятие текста. В свою очередь, акцентирующая функция фигур интертекста в меньшей степени способствует убеждению адресата, нежели функция формирования психологической аргументации, которая затрагивает чувства и эмоции аудитории. Наконец, формирование психологической аргументации за счет фигур интертекста обладает меньшей убедительной силой (в рамках юридического дискурса), нежели построение логической аргументации на основании фигур интертекста.

Интертекстуальность в юридическом дискурсе неразрывно связана с логической и психологической аргументацией. Высока при этом значимость структурно-функциональной связи фигур интертекста с другими экспрессивно-стилистическими средствами, что способствует повышению убедительной силы текста. Опорой логической аргументации в юридическом дискурсе выступают деловая интертекстуальность, которая отсылает адресата к сводам законов, что и определяет интертекстуальную природу юридического дискурса. Опору выразительной интертекстуальности формирует обращение к текстам неюридической принадлежности

(таким как Библия, художественные тексты, кинофильмы и т.д.), что является ещё одним (но уже не главным) источником интертекстуальности в юридическом дискурсе. С учетом сказанного можно констатировать существование интертекстуально интенциональных дискурсов, к которым мы относим юридический дискурс.

Как показало исследование, фигуры интертекста в рамках юридического дискурса не монофункциональны. Более того, в одном и том же случае фигуры интертекста служат реализации, как правило, нескольких функций одновременно: информативной и акцентирующей; оценочной и эвфемистической; эвфемистической и референционной и т.д.

В работе выявлены тенденции соотнесения фигур интертекста с их функциями в текстах юридического дискурса. Между тем нельзя утверждать, что список функций фигур интертекста в современном юридическом дискурсе является закрытым и не может дополниться иными функциями и механизмами их реализаций. Данное направление, а также анализ диахронической картины феномена интертекста в юридическом дискурсе представляют собой перспективы для дальнейших научных исследований в этой сфере.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях автора:

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Богатырев, А.В. Особенности функционирования интертекста в юридическом дискурсе / А.В. Богатырев // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 10 (1). – С. 183–190 (0,6 п.л.).
2. Богатырев, А.В. Цитата в юридическом дискурсе: функциональный аспект / А.В. Богатырев // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2014. – № 7. – С. 30–37 (0,9 п.л.).
3. Богатырев, А.В. К особенностям понимания текста в рамках юридического дискурса / А.В. Богатырев // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2015. – № 1. – С. 80–85 (0,6 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. Богатырев, А.В. Аргумент к традиции в жанре судебной защитительной речи / А.В. Богатырев // *Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*. Секция «Филология». – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 200–202 (0,3 п.л.).
5. Богатырев, А.В. Участие экспрессивно-выразительных средств русского языка в формировании аргумента к вере и аргумента к жалости / А.В. Богатырев // *Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы Междунар. науч. конф. «IX Кирилло-Мефодиевские чтения»*, 13–16 мая 2008 г. – М.: Изд-во «ИКАР», 2008. – С. 22–28 (0,5 п.л.).

6. Богатырев, А.В. Тропы метафорического типа в психологической аргументации (на материале судебных защитительных речей) / А.В. Богатырев // Сборник материалов XIII региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 11–14 нояб. 2008 г.: сб. науч. материалов. Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – С. 62–67 (0,4 п.л.).

7. Богатырев, А.В. Тропеические средства и психологическая аргументация в юридической риторике / А.В. Богатырев // Материалы Международной конференции «Гуманитарные науки в России XXI века: тенденции и перспективы»: сб. науч. тр. / ред. кол.: Т.В. Винниченко и др. – Архангельск: КИРА, 2008. – С. 229–234 (0,4 п.л.).

8. Богатырев, А.В. Вопросительные высказывания как риторические фигуры в жанре судебной речи / А.В. Богатырев // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». – М.: РЕМДЕР, 2009 – С. 284–291 (0,6 п.л.).

9. Богатырев, А.В. Фигуры слова в жанре судебной речи / А.В. Богатырев // Межкультурная деловая коммуникация: проблемы и перспективы российско-молдавского сотрудничества в формировании коммуникативной компетенции кадров агробизнеса: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО «ВГСХА» «Нива», 2009. – С. 189–194 (0,4 п.л.).

10. Богатырев, А.В. Образ современной молодежи в жанре судебной речи / А.В. Богатырев // Язык и общество: проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. науч. сессии «XII Невские чтения» (21–23 апр. 2010 г.) / под общ. ред. Д.Г. Ишук. – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2010. – С. 51–55 (0,4 п.л.).

11. Богатырев, А.В. Функционирование фигур мысли в жанре судебной речи / А.В. Богатырев // XIV региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области: сб. науч. материалов. Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – С. 116–120 (0,4 п.л.).

12. Богатырев, А.В. Судебная речь и речевая компетенция юриста в аспекте соотношения языка и права / А.В. Богатырев // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. – С. 24–30 (0,4 п.л.).

13. Богатырев, А.В. Функциональные возможности аппликации в текстах юридического дискурса [Электронный ресурс] / А.В. Богатырев // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГСПУ. – 2015. – № 5 (39). – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1438439208.pdf> (0,5 п.л.).

БОГАТЫРЕВ Александр Валерьевич

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФИГУР ИНТЕРТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 23.03.16. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27